

31 марта 1960 года исполнилось 100 лет со дня первого публичного применения стенографии в России. До этого стенография была у нас уделом отдельных «любителей крылатого пера», как тогда называли стенографов.

Впервые в России стенография применялась для записи большого диспута между академиком М. Н. Погодиным и профессором Н. И. Костомаровым на тему о происхождении Руси. Тогда в кругу русских историков эта тема была злободневной, ввиду приближавшегося празднования в 1862 году тысячелетия Руси.

Сообщение о диспуте обошло всю тогдашнюю прессу и вызвало большой общественный отклик.

На этом диспуте в университетской аудитории в Петербурге 31 марта 1860 года (19 марта по старому стилю) произошло первое в России применение стенографии. Работавшие на диспуте стенографы писали по системе Иванина (других систем тогда еще не было).

Как далеко ушло развитие стенографии в России за истекшее столетие!

За 50 лет советской власти коренным образом изменилось положение искусства скоростного письма в нашей стране. Прежде удел частных лиц, отдельных любителей, стенография стала частью общегосударственного дела.

Советские стенографы пишут по государственной единой системе, введенной постановлением Советского правительства от 10 июня 1933 года. Этим правительственным актом был положен конец засилью в советской стенографии конкурирующих друг с другом частных систем. Их заменила государственная единая система. I

В журнале «Современник», органе русских революционных демократов, в 1858 году помещена рецензия на вышедшую в том же году книгу М. Иванина «О стенографии или искусстве скорописи и применении ее к русскому языку». В рецензии мы читаем:

«Главное назначение стенографии то, что посредством ее можно дословно записывать речи говорящего. Поэтому-то она имеет наибольшее применение там, где процветает ораторское красноречие, где существуют публичные суды и торжественные совещания в делах политических, одним словом, где существует гласность...

...Само собой понятно, что стенография не может иметь у нас при настоящем устройстве, административном и судебном, надлежащего применения...

...Стенография может иметь у нас больше применения в частной жизни, чем общественной. Желаящим воспользоваться этим искусством мы и рекомендуем книжку Иванина».

Можно понять грусть, которой исполнены строки о невозможности общественного применения стенографии в России.

Общественное применение стенографии стало в условиях советской действительности фактом, который никого не удивляет.

Стенография и русская общественная жизнь. Развитие стенографии в нашей стране, рассматриваемое в связи с общественной жизнью, разделяется на два больших периода: до октября 1917 года и советский.

В XV—XVIII вв. стенография в России применялась от случая к случаю и большого значения в общественной жизни не имела. Мощное орудие гласности, спутник высокоразвитой общественной жизни, стенография долгое время не могла найти широкого применения при царизме. Это объясняется культурной и экономической отсталостью царской России, ее крепостническим политическим строем, аграрным характером ее хозяйства.

В 60-х годах XIX века царское правительство провело судебную и земельную реформы. Потребовались кадры стенографов для записи заседаний реформированных и вновь организованных судебных учреждений. Правительство взялось за насаждение стенографии. Министерство народного просвещения объявило конкурс на лучшую систему стенографии, открыло бесплатные курсы для подготовки стенографов, обсуждало вопрос о введении единой системы.

Но оживление продолжалось недолго. «Стенографии пришлось испытать на себе общую судьбу большей части наших русских хороших начинаний. С жаром набросились на новинку, спешили устроить дело преподавания стенографии, с жаром полемизировали... и понемногу забыли о стенографии, — писал в 1880 году Н. Ершов в своем «Обзоре русских стенографических систем».

В Стенография не могла широко развиваться в то время, и после недолгого оживления к началу XX века мы наблюдаем, как почти полностью прекращается ее применение.

Новый этап развития русской стенографии начинается в 1906 году, когда был издан закон о Государственной Думе. Некоторое расширение применения стенографии было вызвано появлением у нас представительных учреждений — Государственной Думы и Государственного Совета. Для записи их заседаний потребовались стенографы.

Спрос на парламентскую (съездную) стенографию наложил свой отпечаток на дальнейшее развитие стенографии в целом. Появившиеся в течение долгого времени в России системы стремились стать «речеписью», то есть письмом, которое по своей краткости обеспечивает возможность достижения высших скоростей. Краткость начертаний стенограмм, ставшая целью каждого автора системы, привела к усложнению ее теории, трудности усвоения, удлинению срока обучения стенографии, а это, в свою очередь,

приводило к сокращению числа лиц, овладевших ею, и следовательно, ограничивало распространение стенографии. Она становилась достоянием немногих, лишь незначительной части тех, кто брался за ее изучение.

В царской России, даже в периоды некоторого оживления на поприще стенографии, преподавание ее было делом частной инициативы, мало интересовавшим государственные органы просвещения. Стенография развивалась усилиями отдельных частных лиц. Ограниченный круг подписчиков и отсутствие государственной и общественной помощи приводили к тому, что появлявшиеся время от времени стенографические журналы существовали недолго.

И только начиная с 1917 года стенография в нашей стране достигает такого положения, которого она раньше никогда не знала. Победа Великой Октябрьской социалистической революции придала стенографии такое значение и так расширила ее применение, что советское время можно считать началом подлинного распространения стенографии в России.

В советское время в сравнении с прошлым резко увеличилось число стенографов. Раньше статистики никакой не велось, так как стенографов можно было буквально пересчитать по пальцам. В 1907 году факт применения стенографии Л. Н. Толстым обошел газеты. Теперь же у нас стенографов насчитываются десятки тысяч. Квалификация их также стоит достаточно высоко. Если раньше лица, пишущие со скоростью девяносто слов в минуту, были явлением редким, то сейчас у нас скорость в сто десять и больше слов в минуту — явление заурядное.

С течением времени изменился взгляд на стенографию в широких кругах советского общества. На нее перестали смотреть только как на способ записи живой речи (речепись). К ней предъявляются требования массового письма (общеписи), могущего войти в обиход, быть введенным в школу, в государственный аппарат, как обязательное знание для его работников.

В свете этих требований к стенографии, выдвинутых только в советское время, количество, и немалое, имевшихся русских систем перешло в качество довольно отрицательного свойства. Тогда был поставлен вопрос о создании вместо многих конкурирующих систем одной стенографической системы, как основы для введения стенографии в школу и госаппарат, системы для массового обучения. Над разрешением проблемы государственной единой системы велась работа с 1926 года. Она завершилась постановлением ВЦИК от 10 июня 1933 года о принятии системы П. П. Соколова в качестве основы государственной единой системы стенографии.

Дооктябрьский период

Древнерусская стеганография. В древней Руси была распространена тайнопись — стеганография. Целям тайного письма служила так называемая тарабарская грамота, или литорея. Различают простую и сложную (мудрую) литорею. Литорея состояла как в замене одних букв другими, так и в пользовании особыми знаками — цифрами или символами. Такая стенография была в ходу в секретной дипломатической переписке князей древней Руси.

Древнейший из дошедших до нас памятников такого «затаення» встретился в одной записи 1229 года (см.: И. И. Срезневский. «Замечания о русской тайнописи». СПб., 1871).

В Саввино-Сторожевском монастыре, близ Звенигорода, есть большой колокол весом больше 2100 пудов, вылитый в 1667 году по повелению царя Алексея Михайловича. Колокол замечателен литыми надписями, покрывающими большую часть его поверхности. Из девяти строк надписи последние три представляют тайное письмо (стеганографию). Эта надпись доказывает, что в XVII веке стеганография применялась уже не только для дипломатической переписки.

Интересно, что «как в Византии высокопоставленные лица редко что-нибудь писали сами, так и на Руси писание грамот князя поручали другим, даже сами почти никогда не подписывали актов, а поручали это дьякам; да и в этих подписях имя и отчество князя нередко опускалось, а только писали «Великий князь». Такую привычку не писать собственноручно даже имени некоторые объясняют влиянием восточного этикета; отсюда понятно, почему не сохранилось ни одного несомненного автографа даже такого царя — грамотея, каким был Иван Грозный. Сочинения свои он, вероятно, диктовал.» *

При тайной переписке со своими приближенными опальный царевич Алексей, сын Петра I, применял «цыфирные азбуки», состоящие из условных знаков, цифр, букв. Таких цыфирных азбук у него было несколько для переписки с разными лицами.

Знаки «цыфирной азбуки» приведены в «Собрании документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым с приложением рассуждения М. П. Погодина», изданном в Москве в 1861 году.

Применение стенографии в дореволюционной России

Стенографию начали применять в России еще во второй половине XV века. Стенографически записывались выступления в Новго-

* Карский Е. Ф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 124.

родском и Псковском вече.* Стенография здесь применялась и в XVI веке, вплоть до самой ликвидации вечевого строя при Иване Грозном.

В XVII веке стенографией пользовались в Москве в Смутное время и при первых царях дома Романовых. Запись земских соборов велась группой стенографов, возглавляемых выходцем из Польши Пжевским.

Петр I пользовался услугами «Компании писак» — группы стенографов, организованной чехом Чишем. При Петре I, Екатерине I и Екатерине II стенография использовалась при допросах и пытках государственных преступников.

Конечно, в XV—XVIII вв. строго разработанных систем стенографии не существовало. При записи использовались способы сокращения обычного письма, титлы, контракции церковно-славянского языка, изобретались различные приемы краткописи, пропуска букв, вводились разнообразные символы и сокращения.

Министерство народного просвещения в 60-х годах прошлого века взялось за внедрение стенографии в России, но быстро охладело к этому делу. Дальнейшее развитие стенографии было целиком отдано в частные руки. Стенография подвигалась вперед исключительно благодаря преданности ей ряда любителей: Олхина, Длусского, Терне, Ершова, Устинова, Горшенева.

Стенография имела в России относительно широкое применение до 80-х годов. Многие городские управления, желая шегольнуть гласностью, прибегали к услугам стенографов. Газеты пользовались трудом стенографов для составления отчетов о больших судебных процессах, о важных съездах и собраниях.

В 1871 году Е. Горшеневым (братом А. Горшенева — автора учебника по системе Габельсбергера) было организовано для записи известного Нечаевского процесса* стенографическое бюро. Оно состояло из семи стенографов, двух помощников и 20—25 переписчиков. На процессе стенографировали парами, каждая из них писала по 15—30 минут. Расшифровка диктовалась переписчиком, которые от руки записывали то, что, расшифровывая, диктовал стенограф. Пишущих машин тогда еще не было. С переписчиками была беда: тот безграмотен, тот медленно пишет, тот пропускает и перевирает слова. Отчет диктовался сразу трем переписчикам, чтобы иметь три экземпляра. По распоряжению царя, стенографический отчет о Нечаевском деле печатался в «Правительственном вестнике».

* Эти и дальнейшие данные почерпнуты из «Кратких сведений по истории стенографии». Заочные курсы стенографии. Изд. Северо-Кавказского института практических знаний. Ростов-на-Дону, 1932.

* Процесс нечаевцев — «Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России» слушалось в особом присутствии Санкт-Петербургской судебной палаты с 1 июля по 27 августа 1871 года. К делу было привлечено 87 человек.

Стенографировалась также VIII сессия Международного статистического конгресса, состоявшаяся в августе 1872 года в Петербурге. Доклады делались на французском языке, прения происходили на русском, немецком, английском. Стенографирование велось на всех этих языках, для чего были приглашены иностранные стенографы (из Германии — Ю. Цейбих). Стенографический отчет о заседаниях конгресса печатался в «Правительственном вестнике».

При судебных палатах и прокурорах состояли «правительственные стенографы». На их обязанности лежало составление официальных отчетов о судебных и других заседаниях. Должности правительственных стенографов просуществовали до 80-х годов. Надвинувшаяся реакция упразднила их, как многое из того, что было введено в 60-х годах.

Сравнительно широкое применение имела стенография в торговой и промышленной области. Иностраный капитал, особенно немецкий, устремившийся в 80-90-х годах в Россию в погоне за дешевыми рабочими руками, в изобилии предлагаемыми голодным, безземельным крестьянством, привез с собой и свои методы работы, в частности, применение стенографии и пишущей машинки.

«Только коммерческим предприятиям, постоянно поддерживающим спрос на стенографов, мы обязаны главным образом тем, что за период нашей общественной спячки у нас совершенно не перевелись последние», — писал А. Дашкевич в журнале «Учитель-стенограф» (1905, № 4).

Конторские стенографы писали со скоростью 50—60 слов в минуту — большего от них не требовалось. Работали они и на пишущей машинке (с 900-х годов), и, стенографируя с девяти часов утра до шести часов вечера, получали нищенскую зарплату. Никаких отпусков они не имели и были совершенно бесправны, всецело завися от хозяина.

Стенографическое образование

Царское правительство впервые проявило интерес к стенографии в начале 60-х годов XIX века. Оживление общественной жизни в 60-х годах поставило вопрос о стенографии на очередь дня. Значительную роль в этом сыграла судебная реформа, потребовавшая присутствия в судах стенографов, дословно записывающих речи, 15 1862 году министр юстиции обратился к царю с докладом о необходимости создания в России штата судебных стенографов. Александр II велел министерствам юстиции и народного просвещения «пойти в подробное обсуждение дальнейших мер к развитию русской стенографии и приложению ее к юридической практике».

Во исполнение этого министром народного просвещения была создана особая комиссия «для установления наблюдения главных оснований применения стенографических знаков к русскому языку и для обсуждения способов приготовления некоторого числа преподавателей стенографии для наших гимназий».*

Комиссия, обсудив предложенные ей вопросы, признала, во-первых, «важным и необходимым... ввести употребление одной стенографической системы, которая должна быть признана официальной или правительственной». Во-вторых, «введение обучения стенографии в учрежденных от правительства учебных заведениях должно было иметь преимущественной целью приготовление публичных присяжных стенографов». Наконец, в-третьих, для того, чтобы сделать выбор стенографической системы более основательным, было признано необходимым «объявить конкурс на сочинение по русской стенографии». Представленные на конкурс сочинения, по постановлению комиссии, должны были быть обработаны в таком виде, чтобы по напечатании могли служить руководством для преподавания стенографии в средних учебных заведениях.

По напечатании избранного руководства должно было немедленно приступить к приготовлению учителей и затем к введению обучения стенографии в виде необязательного предмета в некоторых средних учебных заведениях министерства народного просвещения, начиная с четвертого класса.

Совет министра народного просвещения согласился с мнением комиссии и постановил назначить автору лучшего руководства премию в 1500 рублей и сверх того напечатать сочинение за счет правительства в количестве 1200 экземпляров с предоставлением их в пользу автора и с сохранением за ним права собственности на сочинение.

Русское общество 60-х годов заинтересовалось стенографией. В журналах и газетах начали печататься статьи, посвященные этому предмету. Так, например, журнал «Учитель» печатает обстоятельное исследование под заглавием «Материалы для будущей русской стенографии» (1863). В «Отечественных записках» за 1866 год печатается даже «Теория стенографии для русского языка».

На соискание объявленной министерством премии за лучшее руководство по стенографии было представлено 28 сочинений. Комиссия удостоила одобрительного отзыва только два сочинения: по системе Габельсбергера — П. Ольхина и по системе Штольце — руководство Паульсона и Мессера. Но оба руководства, по мнению комиссии, имели свои недостатки, и поэтому первая премия нико-

* Журнал Министерства народного просвещения, 1864, ч. 121, стр. 83-85.

му выдана не была. Тем не менее было решено открыть в Петербурге бесплатные курсы стенографии по той и другой системе.

Курсы были открыты 4 апреля 1864 года. В течение трех лет, с 1864 по 1866 год, через них прошло 1043 слушателя, в том числе гимназистов 343. Но громадное большинство из этого числа побывало только на первых лекциях к полный курс окончило не более 10-15% слушателей.

В начале русско-турецкой войны 1877 года бесплатные курсы стенографии закончили свое существование. Усилился политический гнет в стране, и ослабел интерес общества к стенографии. Он пробудился только в последнее десятилетие перед первой мировой войной. В то время в Москве и Петербурге, а также в некоторых других городах открываются разрешенные Министерством народного просвещения курсы стенографии; в Петербурге в 1902 году на съезде директоров и представителей попечительных советов по коммерческому образованию был сделан доклад о желательности изучения стенографии в коммерческих училищах, о необходимости государственной поддержки этого искусства. Доклад был отклонен.

В 1913 году Министерство народного просвещения официально допустило преподавание стенографии в средних учебных заведениях в качестве необязательного предмета, с разрешения в каждом случае учебного округа.

Частные курсы в течение многих лет вели подготовку кадров стенографов. Такие курсы были открыты в Москве (владельцы Н. М. Крулев, В. Г. Нечаева), в Петербурге (Е. Н. Патканова), Одессе, Саратове и Киеве (В. Т. Иванов), а также в других городах России. Таким образом, вплоть до Октябрьской революции подготовка кадров стенографов находилась в руках частных лиц — преподавателей стенографии, владевших курсами. В провинции лица, изучившие стенографию, как правило, давали частные уроки.

В 1913 году в Петербурге было 12 курсов стенографии. Стенография преподавалась также в ряде гимназий, на курсах бухгалтерии, в народном университете, на политехнических курсах.

Стенография в Государственной Думе (1906-1917)

Царское правительство, потрясемое ударами революции 1905 года после неудачной русско-японской войны, пыталось законом от 6 августа 1905 года «успокоить» Россию, дав ей «куцую», по выражению В. И. Ленина, конституцию. Оно пошло даже на создание в России «парламента» — Государственной Думы.

Этот факт не мог не сказаться на развитии стенографии. Статья 44 Положения об учреждении Государственной Думы

гласит, что отчеты о всех заседаниях общего собрания Думы составляются присяжными стенографами, которые состоят в штате ее канцелярии.

К тому, чтобы дать нужное Думе количество парламентских стенографов, российская стенография оказалась неподготовленной. В начале марта 1906 года в столичных и провинциальных газетах появилось объявление о предстоящем всероссийском конкурсе стенографов для приема в Государственную Думу и Государственный Совет, по 24 человека в каждую палату. Кроме того, Санкт-Петербургскому Телеграфному агентству (СПА) потребовалось тоже 24 стенографа. На конкурс в Петербург съехалось со всех концов России много стенографов, но ни один из них не был вполне подходящим для парламентской работы. Свыше 100 человек подали заявления о желании подвергнуться конкурсу. На самый конкурс 5 апреля 1906 года явилось 70. Из них «выдержали» испытания 40: 12 мужчин и 28 женщин. Слово «выдержали» приходится брать в кавычки. Скорость письма, требовавшаяся от стенографов для сдачи конкурса, была невысока — 80 слов в минуту. Через несколько дней после конкурса был вывешен список принятых. Эти 40 человек распределяются так: стенографов по системам Габельсбергера и Терне — по 13, по системам Животовского и Черемисинова — по 4, Кривоша и Ольхина — по 2, Штольце — 1 и, наконец, один из выдержавших писал обыкновенным письмом (!).

Впервые применение парламентской стенографии в России состоялось на первом заседании Государственной Думы 27 апреля 1906 года.

Стенографы работали в Государственной Думе и Государственном Совете «в паре», то есть одновременно писали двое. Первое время писали по шесть минут. Расшифровка сейчас же представлялась в президиум. «Править» речи не разрешалось ни в коем случае, даже если оратор говорил нескладно. Обязанность редактирования лежала на штате специальных редакторов из шести человек.

Стенографам Думы запрещалось даже во время перерывов беседовать с депутатами. Женщинам вменялось в обязанность носить скромные черные платья, скромные прически, не носить ни платьев с прозрачными рукавами, ни цветных лент в знак принадлежности или симпатии к какой-либо партии Государственной Думы.

24 января 1907 года состоялся второй конкурс, на который явилось 157 человек. Для работы в Думе из них было приглашено 29 человек — 18 было зачислено стенографами, а 11 помощниками. Старым думским стенографам 12 февраля 1907 года было сделано проверочное испытание. Из прежних 40 человек осталось только 18. Целью испытания было удаление нежелательного эле-

мента. Стенографическое бюро составилось из лиц, «подходящих» по убеждениям и национальности.

Во II Государственной Думе писали одновременно две пары. Одна из них вела контрольную запись, которая не расшифровывалась, а служила только для оправок. Каждые три минуты по сигналу заведующего бюро в работу вступала новая пара. Кроме того, работа контролировалась редакторами, которые сменялись каждые полчаса и которых в штате было шесть человек. Старший редактор или один из его помощников находился все время в зале заседаний и делал заметки, которые предоставлял позже в распоряжение стенографов для справок.

В 1913 году стенографическое бюро Государственной Думы состояло из 26 человек — 20 женщин и 6 мужчин. По системам эти стенографы распределялись так: Сапонько — 8, Терне и Габельсбергер — по 6, Животовский — 3, Штольце — 2, Черемиснов — 1.

Постепенно распределяются сферы влияния систем. К 1917 году слуховые системы Терне и Сапонько завоевывают преимущественное распространение в Петербурге, система Габельсбергера — в Москве, Животовского — на юге России.

Насколько неудовлетворительно были тогда разработаны системы стенографии, можно судить по статье А. Дашкевича «Беседы о стенографии», печатавшейся в журнале «Стенограф-практик» в 1913 году. Автор статьи допускает как нормальное явление «коррективы, которые могут внести стенографы в свою систему».

«Усовершенствование» системы считалось чем-то необходимым и неизбежным, ибо, по словам того же Дашкевича, «нельзя отрицать того, что большинство наших далеких от совершенства систем тормозит успехи своих последователей».

О квалификации тогдашних стенографов можно судить по словам Дашкевича: «Технику быстроты в 90 слов в минуту следует считать почти предельной для ближайшего времени».

На общем собрании Русского стенографического общества 25 октября 1909 года членом общества В. И. Бейер был прочитан доклад «Требования, которым должен удовлетворять хороший стенографический отчет, и условия, при которых они исполнимы». Тезисы доклада, утвержденные собранием, начинаются следующим положением: «Вполне дословная запись при существующих системах не всегда является возможной».

Во «Втором стенографическом сборнике» (1910) напечатано: «Почти четырехлетний опыт работы стенографов в Государственной Думе показал, что удовлетворительно нести свои обязанности могут только те стенографы, которые владеют искусством стенографирования в такой степени, что могут удовлетворительно записывать и расшифровывать диктант, произносимый с быстротой не менее 90 слов в минуту. В настоящее время искусство

стенографии у нас в России находится еще, можно сказать, в младенческом состоянии и вышеуказанная минимальная норма 90 слов является и вместе с тем и максимумом того, чего достигли в этой области лучшие наши стенографы».

Объединения стенографов

К 1906 году относится возникновение Русского стенографического общества, просуществовавшего до Февральской революции 1917 года. Устав общества был утвержден 16 сентября 1908 года. Председателем был избран П. Черемиснов, товарищем председателя академик М. Виллие, Первое общее собрание состоялось 5 ноября 1908 года. При обществе было организовано бюро труда для членов общества, сдавших испытания. Бюро рекомендовало стенографов на работу. Работа распределялась в порядке очереди, установленной по жребию. Работали всегда «в паре». Общество устраивало доклады на стенографические темы, практические занятия, выдавало свидетельства о достигнутой скорости записи. Для парламентских работ требовалась скорость 80 слов в минуту, для конторской работы и записи под диктовку — 60 слов.

Общество издало два «Стенографических сборника» (1909, 1910), пыталось провести статистическое обследование количества стенографов в России. Однако ответов на анкету журнала «Стенограф» поступило так мало, что нечего было опубликовывать.

После Февральской революции 1917 года проводилось большое количество самых разнообразных съездов и собраний, для обслуживания которых стенографов не хватало. Вскоре после Февральской революции стенографы перестали работать «в паре», обычным стало стенографирование в одиночку.

Быстрый темп речей ораторов революционного времени предъявил к стенографии повышенные требования в отношении скорости. После десятилетней деятельности в Государственной Думе квалификация стенографов, прошедших школу парламентской работы, была, конечно, не такой низкой, как в начале думского времени.

Отличительной чертой первых послефевральских месяцев 1917 года была всеобщая тяга к организации. Люди организовывались по самым разнообразным признакам и профессиям. Организовались также и стенографы, составив в Москве в апреле 1917 года Профессиональное общество стенографисток и стенографов, объединявшее до 100 человек. Целью общества, согласно уставу, было «служить делу объединения всех стенографисток и стенографов для защиты экономических интересов, правового положения своих членов и улучшения условий труда, содействовать профессиональной подготовке своих членов и популяризации стенографии».

До Октябрьской революции устав общества утверждает Московским окружным судом не был, а перед самым Октябрем стенографы, хлопотавшие об утверждении устава, получили отказ в регистрации общества на том основании, что устав предусматривал организацию кассы взаимопомощи, клуба и библиотеки.

Периодическая пресса

Начало русской периодической литературы по стенографии относится к 60-м годам прошлого века.

Первой стенографической газетой на русском языке был «Самоучитель стенографии», вышедший в 1866—1867 гг. еженедельно. Всего вышло 25 номеров этой газеты. Редактором-издателем ее был А. Н. Артоболовский.

Через несколько лет, в 1870 году И. А. Устинов начинает в Харькове выпускать «Стенографический листок», просуществовавший два года. Всего вышло 20 номеров.

В 1874 году выходил «Стенографический вестник» под редакцией С. М. Длусского. Выпущено 8 номеров.

На рубеже XIX и XX веков в Париже увидел свет журнал «Stenographe franco-russe» (1900—1901).

В Петербурге бр. Сапонько издавали журналы: двухнедельный «Учитель-стенограф» (11 номеров в 1905), ежемесячник «Стенограф» (16 номеров в 1907—1908 гг.), «Стенограф-практик» (9 номеров в 1913—1914 гг.). Это были межсистемные органы, обсуждавшие вопросы общестенографического значения.

Послеоктябрьский период

Стенографы в высших государственных органах СССР

С самого начала установления советской власти на заседаниях высших государственных органов РСФСР, а затем и СССР применялась стенография.

Постоянный штат стенографов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был организован в 1919 году. Хотя и до 1919 года съезды и совещания ВЦИК и ЦК партии стенографировались, но работа велась более или менее случайным штатом. В 1919 году был составлен штат из пяти стенографов, на которых лежала обязанность обслуживать Всероссийские съезды Советов и их сессии, а также Всероссийские съезды и конференции партии. Запись велась стенографами в одиночку по десять минут смена, с немедленной след за записью расшифровкой.

Очень скоро выяснилось, что штат слишком мал для обслуживания столь ответственных и длительных съездов. Работа ве-

лась чрезвычайно интенсивно, беспрерывно одними и теми же стенографами, в течение не менее чем 6—7 дней. Разумеется, что крайнее утомление стенографов отражалось как на работоспособности, так и на качестве их работы.

Особенно трудно приходилось стенографам при исторических выступлениях В. И. Ленина. Взволнованность аудитории при выступлениях Владимира Ильича, сознание ответственности за точность передачи, своеобразный, неповторимый стиль и быстрота его речи — все это вызывало напряжение у стенографов. И становится понятным, почему иногда Владимир Ильич мог быть не вполне удовлетворенным стенограммой. Впоследствии, когда стенографы стали записывать Ленина «в паре», качество стенограмм улучшилось.

Такое положение побудило Президиум ВЦИК увеличить штат стенографов. В 1920 году он был увеличен до семи, к концу 1921 года — до девяти, а в 1924 году достиг двенадцати человек.

С 1922 года с образованием Союза ССР штат стенографов ВЦИК был переименован в штат ВЦИК и ЦИК СССР. Работа во время сессии продолжалась 5—10 дней; до 1922 года таких периодических работ было шесть в год: Всероссийский съезд Советов, три его сессии, Всероссийский партийный съезд, Всероссийская партийная конференция. Начиная с 1922 года, с образованием Союза ССР, прибавились еще Всесоюзный съезд Советов и три его сессии.

В Совете Народных Комиссаров Российской Федерации до осени 1919 года не практиковалась стенографическая запись. С 1919 до июня 1922 года записывались одни постановления. Затем было признано необходимым вести запись некоторых докладов и прений, а также составление справок о важнейших решениях Совнаркома и Совета Труда и Оборона. Для таких справок большим подспорьем служили стенографические заметки, которые не расшифровывались письменно, а лишь прочитывались в случае необходимости.

Только в феврале 1924 года впервые на заседании Совнаркома и Совета Труда и Оборона стали записываться стенографически все прения по всем вопросам. На заседаниях, кроме стенографистки, записывающей постановления, посменно работали пять стенографисток, писавших по десять минут каждая.

В настоящее время сессии Верховного Совета Сою и ССР обслуживаются постоянным составом опытных стенографов, состоящих на службе в высших правительственных учреждениях. На заседаниях обеих палат — Совета Союза и Совета Национальностей — работают 26-28 стенографов. При раздельном заседании палат работа ведется в два конвейера. Заседания каждой палаты обслуживаются бригадой в 13—14 человек. Кроме того, в зале заседаний постоянно находится дежурный стенограф для срочных

работ под диктовку. За каждым стенографом закреплена определенная машинистка.

Стенографическая запись на заседаниях Верховного Совета СССР ведется «по цепочке»: каждые пять минут в работу вступает новый стенограф. Он пишет десять минут. Первые пять минут им ведется контрольная запись, которая не расшифровывается и служит для справок, а вторые пять минут основная, рабочая запись, которая расшифровывается.

На заседаниях Верховного Совета Союза ССР стенографируется весь ход дебатов, все выступления, включая читаемые с листа. Скорость речи при чтении с листа иногда доходит до космической, как говорят стенографы. Стенограмма в обязательном порядке поступает на правку оратору, который своей подписью подтверждает правильность записи его речи.

Состав стенографов числом около 30 человек, который обслуживает сессии Верховного органа советской власти, ведет запись и других ответственных заседаний, происходящих в нашей столице, в том числе съездов КПСС и комсомола, пленумов ЦК КПСС и др.

Кроме сессионной работы, стенографы, состоящие в штате Президиума Верховного Совета СССР, ведут текущую работу — записывают заседания Президиума, совещания по законопроектам, торжества по случаю приема иностранных гостей, вручения наград и обслуживают консултантов Президиума по их заявкам.

Профессиональное движение советских стенографов

Общественная жизнь советского государства отмечена большим количеством съездов, конференций, собраний, заседания которых являются открытыми и гласными. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на применение стенографии в России.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции наметился большой спрос на стенографов, который явно не мог быть удовлетворен из-за небольшого их числа. Так, в Москве в 1920 году съездовых стенографов было всего 37 человек. Эта небольшая группа стенографов, в подавляющем большинстве женщин, героически выполняла огромную работу, выпавшую на их долю, фиксируя события, происходившие в советской столице в первые годы после революции, выполняла несмотря на холод, голод, разруху, отсутствие средств связи. Стенографов было настолько мало, что Стенографическому бюро в Москве приходилось очень часто отказываться от выполнения предложенной работы. 22 апреля 1920 года Правление стенографической секции вынесло постановление о том, чтобы не посылать стенографов на работы, не имеющие общегосударственного значения.

Организованное в Москве Профессиональное общество стенографисток и стенографов продолжало после Октября 1917 года начатые раньше хлопоты по утверждению своего устава. В октябре 1918 года Советом народных нотариусов (был такой!) устав был, наконец, утвержден. Общество, как самостоятельное, просуществовало до ноября 1919 года.

После II Всероссийского съезда профсоюзов в январе 1919 года, когда дальнейшее развитие советского профессионального движения пошло по линии организации единых мощных производственных союзов, перед стенографическим Обществом встал вопрос о слиянии с одним из них. 15 марта 1919 года общее собрание стенографов в Москве постановило объединиться с профессиональным союзом работников советских, общественных и торговых учреждений (союз совработников).

Объединение московских стенографов в составе профессионального союза совработников (стенографическая секция Мосгуботдела) просуществовало с 1919 по 1929 год.

Рост числа стенографов в Москве продолжался. Профобъединение стенографов возглавлялось Бюро секции, а затем Комитетом стенографов, состоявшим из пяти человек, выбираемых на полгода на общем собрании. При московском комитете стенографов работали комиссии научно-стенографическая и квалификационная, а также агентурный пункт, посылавший стенографов на временную работу на съезды и в учреждения на постоянные места.

Подобные же комитеты были созданы во всех городах, где имелись стенографы.

Органы советской власти в то трудное время всегда внимательно относились к нуждам стенографов. Однажды на съезде в 1921 году стенографы обратились к В. И. Ленину с просьбой об установке им телефонов. Владимир Ильич дал соответствующее распоряжение, и просьба была удовлетворена. В 1919 году Комитет стенографов Москвы ходатайствовал перед Губчрезком-снегпути об освобождении стенографов в целях сохранения их квалификации от снеговой повинности. И это ходатайство было удовлетворено.

11 ноября 1920 года ВЦСПС вынес постановление о дополнительном двухнедельном отпуске для стенографов. Пятью годами позже, 5 сентября 1925 года, на основе изучения профессиональной вредности стенографической работы Народный комиссариат труда принял специальное решение о рабочем времени и отпусках стенографов.

Согласно этому постановлению для стенографов, систематически ведущих запись заседаний, лекций и т. п., рабочее время устанавливается, исходя из того, что каждому часу стенографирования соответствуют пять часов расшифровки.

Рис 8 Группа членов Московского комитета стенографов (1925) слева направо — О. Фигуровская, Ф. Скрипченко, Р. Вексман, И. Прогазов, Н. Садыкова.

Список профессий, которые на основании особой вредности работы имеют право на дополнительный двухнедельный отпуск, а также профессий, которые наравне с физическим трудом дают право на отпуск в течение 8 недель до и 8 недель после родов, был дополнен пунктом о стенографистках, занятых на постоянной работе в предприятиях и учреждениях, ведущих запись заседаний, лекции и аналогичных длительных работ.

1924 год был переломным в профессиональном движении советских стенографов. 7 мая ЦК Союза совработников постановил «Все работники стенографии, независимо от места службы, входят в наш Союз». Постановление было вызвано тем, что стенографов, труд которых высоко ценился, было очень мало. Чтобы сосредоточить их в одной организации, в различных городах были созданы комитеты стенографов.

В 1926 году Московский комитет объединял 433 стенографа, в том числе 120 съездовых и 26 преподавателей (рис. 8).

Московский комитет стенографов и ЦК Союза совторгслужащих (прежде совработников) приняли большое участие в проведении Первой всесоюзной конференции стенографов, которая состоялась 22—25 марта 1925 года в Колонном зале Дома труда. На конференции выступили представители ЦК партии, ВЦИК, ВЦСПС, Наркомата РКИ, ряд видных деятелей советского правительства, в их числе М. П. Калинин. Были заслушаны доклады о стенографическом труде и его нормализации, об унитарной (единой) системе, о стенографическом образовании, о журнале «Вопросы стенографии» и др. На конференции работала научная секция, заслушавшая доклады теоретиков стенографии. Была избрана Центральная стенографическая комиссия.

Рис 9 Член Вексман Р. А. много лет возглавлял журнал «Вопросы стенографии»

Комиссия существовала два с лишним года (март 1925 — май 1927) в качестве постоянного органа ЦК совторгслужащих. Согласно положению о комиссии в ее задачи входило а) содействие развитию научно-стенографической мысли, б) популяризация стенографии, в) упорядочение стенографического образования, 1) содействие развитию политико-просветительной работы среди стенографов.

За сравнительно короткий срок существования комиссия проделала значительную работу. Был разработан ряд руководящих материалов по вопросам стенографического образования. Состоялся ряд пленумов комиссии, на которые приезжали инородные ее члены. На втором пленуме в декабре 1925 года была образована подкомиссия по созданию унитарной системы. Эту работу в комиссии и подкомиссии много лет возглавляла Р. А. Вексман, бывшая одновременно и редактором стенографического журнала (рис. 9).

Восьмой съезд Союза совторгслужащих в июне 1929 года ликвидировал комитеты стенографов, поставив задачей профсоюзов обслуживание стенографов по производственному принципу. Но и после ликвидации комитетов Союз совторгслужащих продолжает

уделять большое внимание вопросам стенографии. Он неоднократно ставил перед высшими инстанциями вопрос о единой системе. По его, совместно с Наркомпросом РСФСР, рекомендации ВЦИК принял впоследствии решение о введении единой системы.

Московское бюро стенографов

В 1919 году стенографы Москвы объединились Профессиональным обществом, при котором существовало Бюро по организации стенографической записи. В бюро входило не более 30 высококвалифицированных съездовых или, как тогда их называли, «парламентских» стенографов. Они обслуживали все происходившие в столице съезды и совещания. Эта небольшая группа долго почти не пополнялась новыми силами. Между тем количество съездов с каждым годом все возрастало, и московским стенографам довелось выполнять огромную по масштабу работу. Они записали многочисленные съезды, происходившие в столице нового мира — Москве, запечатлели огромной важности политический опыт.

В 1924 году в Стенографическом бюро числилось уже 73 съездовых стенографа (в 1926 году — 120), квалификация которых была установлена особой комиссией. В бюро принимались лица, сдавшие экзамен на скорость записи 110—120 слов в минуту и особый съездовый экзамен, при котором для сопоставления с записью экзаменуемого велась параллельная запись опытным стенографом.

При стенографировании продолжительных съездов и совещаний обычно применялся так называемый «парламентский» способ расшифровки стенограммы. Этот способ очень удобен: вскоре по окончании заседания готов полный стенографический отчет. Когда стенографический отчет не нужен срочно, например, при записи лекций и докладов, бюро посылало одного или двух стенографов, которые расшифровывали стенограмму на дому и представляли ее через несколько дней.

Московское бюро стенографов просуществовало до Великой Отечественной войны.

В 1952 году при Московском кооперативном объединении «Научно-техническая информация» создали бюро стенографов.

Стенографическое образование

В Москве, ставшей после революции центром русской стенографии, 12 ноября 1920 года был открыт Государственный стенографический институт. Через год институт был преобразован в Высшие Государственные курсы стенографии (ВГКС). Они просуществовали около десяти лет. ВГКС были первым в истории русской стенографии высшим учебным заведением, научно-стено-

графической лабораторией для проверки новых и разработки старых систем.

Из новых систем на ВГКС преподавались системы Бурлакова, Лапекина, Соколова, Репина, Фалеева.

Комитеты стенографов, созданные по всей стране в 1924—1925 гг., включили в круг своей деятельности и стенографическое образование. Однако дело ограничивалось общим надзором за преподаванием и посылкой представителей на экзамены. Методического руководства стенографическим образованием не было.

В крупных городах СССР открывались курсы стенографии. В 1926 году всего по СССР, по данным Центральной стенографической комиссии ЦК совработников, имелось 46 курсов с 98 преподавателями и 6100 учащихся. В Москве было 12 курсов с 2000 учащимися. В 1926 году состоялся первый выпуск преподавателей стенографии.

В 1927 году вопросы стенографического образования были переданы из ведения профсоюза совторгслужащих в Наркомпрос РСФСР. При Главном управлении профтехнического образования (Главпрофобр) была создана методическая комиссия для разработки вопросов стенографического образования.

С 1927 года наметилось и новое явление — изучение стенографии каццелярскими служащими в кружках, организованных при учреждениях.

В 1929 году Наркомпрос РСФСР созвал Всероссийскую конференцию преподавателей стенографии и других курсовых предметов — машинописи, административной техники и русского языка. Конференция разработала ряд инструктивных материалов по подготовке работников универсального типа, знающих не только стенографию, но и машинопись, делопроизводство в секретарское дело.

С введением в 1933 году единой системы подготовка стенографов, в особенности преподавателей, получила планомерный характер. В 1933 и 1935 гг. были организованы курсы переподготовки преподавателей стенографии, которые прошли и педагоги периферии. Курсы 1933 года имели целью переучить на единую систему преподавателей других систем. Курсы 1935 года подготовили новых преподавателей.

Подготовка стенографов на местах в настоящее время ведется специальными курсами и в кружках при учреждениях. В 1939 году изменился состав изучающих стенографию. На курсы стали поступать, главным образом, лица, окончившие школу, или служащие, желающие повысить свою квалификацию.

11 февраля 1939 года Совнарком РСФСР принял постановление «О мероприятиях по развитию стенографического образования», согласно которому был организован отдел стенографического образования при Наркомпросе РСФСР, просуществовавший до

Великой Отечественной войны. Отдел организовал в Москве Высшие центральные педагогические курсы стенографии, которые начали свою работу с осени 1939 года с 300 учащимися на одно-годовом и двухгодичном отделениях. Курсы имели задачей подготовку преподавателей стенографии для старших классов средней школы. Подготовив два выпуска — в 1940 и 1941 гг., курсы, в связи с войной, прекратили свое существование.

25 ноября 1939 года Комитет по делам высшей школы при Совнаркомех СССР издал приказ о введении стенографии с 1939/40 учебного года в курс педагогических институтов в качестве факультативного предмета. Это содействовало подготовке в ряде институтов преподавателей русского языка, знающих стенографию. Выпускникам институтов, прошедшим курс стенографии, давалось право преподавать помимо основного предмета также стенографию, то есть выпускники получали вторую специальность.

Преподавалась и ныне преподается стенография в старейшем учебном заведении страны — Московском государственном университете. С 1956 года на факультете журналистики стенография является обязательным предметом.

15 марта 1946 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял развернутое постановление «О мерах по улучшению постановки стенографического образования».

Руководство стенографическим образованием в СССР было возложено на Комитет по делам высшей школы, вскоре преобразованный в Министерство высшего образования СССР. При Министерстве, согласно Постановлению, был организован Отдел стенографического образования. В Москве были созданы Высшие центральные курсы стенографии (ВЦКС) для подготовки преподавателей, стенографов высшей квалификации — съездовых, стенографов для работы на стенографических машинах и стенографов, пишущих на иностранных языках. Решено было также создать при ВЦКС учебно-методический кабинет для разработки методики преподавания рукописной и машинописной стенографии и для усовершенствования единой системы. С осени 1947 года на курсах приступили к занятиям 320 учащихся. Впервые в советской стране началось обучение машинной стенографии.

На выпускном вечере 5 июля 1949 года были объявлены итоги первых двух лет работы ВЦКС. Первый выпуск ВЦКС составил: 10 преподавателей рукописной стенографии, 22 преподавателя машинной стенографии. Съездовых стенографов рукописной стенографии — 8, машинной — 17. Иностранное отделение закончили 19 человек: по английской стенографии — 13, французской — 6.

В 8—9 классах ряда школ некоторых союзных республик (РСФСР, УССР, УзССР и др.) в виде опыта с 1 сентября 1946 года введено было обучение стенографии. Как показали

первые годы обучения, опыт оказался удачным. Учащиеся старших классов с увлечением овладевали стенографическим письмом и показали хорошие успехи.

В 1947/48 учебном году в Москве стенография преподавалась в 8-х и 9-х классах 22 школ 2865 учащимся. С начала 1953/54 учебного года обучение стенографии в школе проводится на факультативных началах. Стенография в целях разгрузки учащихся исключена из расписания обязательных предметов.

8—13 мая 1948 года Министерством высшего образования СССР было проведено Всесоюзное совещание научных работников преподавателей стенографии. В работе совещания приняли участие представители РСФСР, УССР, Латвийской, Грузинской, Азербайджанской и других республик Советского Союза. На повестке дня было обсуждение учебника Н. Н. Соколова по единой системе, выпущенного в 1948 году сотысячным тиражом.

На совещании был поднят ряд актуальных вопросов советской стенографии: об организации научно-методического центра, об издании журнала, о выпуске в свет труда по советской истории стенографии и др.

7 декабря 1948 года приказом по Министерству высшего образования СССР было признано, что Отдел стенографического образования проделал значительную работу по выполнению постановления СНК СССР от 15 марта 1946 года. В 1953 году в связи с реорганизацией Министерства высшего образования отдел прекратил свою деятельность.

Высшие центральные курсы стенографии увеличили в 1950 году срок обучения до 3 лет, выпуская специалистов по двум профилям — стенографов высшей квалификации и преподавателей стенографии. 1955/56 учебный год был последним годом деятельности ВЦКС.

30 сентября 1961 года Совет Министров РСФСР принял постановление о введении стенографии наряду с машинописью в делопроизводство для подготовки референтов по делопроизводству в средние школы профессионального обучения.

Заочное обучение стенографии

Долгое время заочное обучение стенографии было делом частной инициативы. В царской России на этом поприще работали отдельные авторы и преподаватели стенографии. Так, в конце XIX и в начале XX века вели заочное обучение С. Длусский, И. Устинов, А. Сапонько, И. Животовский и другие. То же продолжалось и в первые годы советской власти. Преподавали заочно И. Ицкесон, Н. Соколов, А. Юрковский. В 20-х годах прошлого века существовали и даже процветали заочные курсы стенографии:

«Подполот» в Ростове на-Дону, Писаревского и Гольдина в Ленинграде и др.

Комиссия по вопросам стенографии при ЦК Союза советских служащих обследовала в 1925 году состояние заочного обучения стенографии в РСФСР и пришла к выводу, что это дело, «находящееся в частных руках и трудно поддающееся контролю, зачастую приобретало нездоровый уклон рекламно-коммерческого характера». Поэтому комиссия решила «считать организацию заочного обучения стенографии допустимой только при осуществлении его общественным путем»*. Частные заочные курсы были закрыты.

Однако организовать широкое заочное обучение стенографии удалось только через 15 лет.

30 октября 1940 года в «Правде» и других газетах появилось объявление о начале приема на курсы ГЗОС (государственное заочное обучение стенографии). Весть об их открытии нашла большой отклик в самых широких кругах населения нашей страны. В течение короткого времени — за 2—3 месяца — в Москву, в адрес курсов поступило свыше 40 тысяч запросов со всех концов СССР. Тяга к стенографии была огромна. На курсы записывались люди самых разнообразных профессии и возрастов.

Открытые 2 января 1941 года при Московском отделе народного образования курсы ГЗОС 22 апреля 1941 года перешли в ведение Наркомпроса РСФСР. Согласно Уставу (§ 3) «Курсы ГЗОС имеют целью массовое распространение стенографического образования среди трудящихся СССР на основе государственной единой системы стенографии».

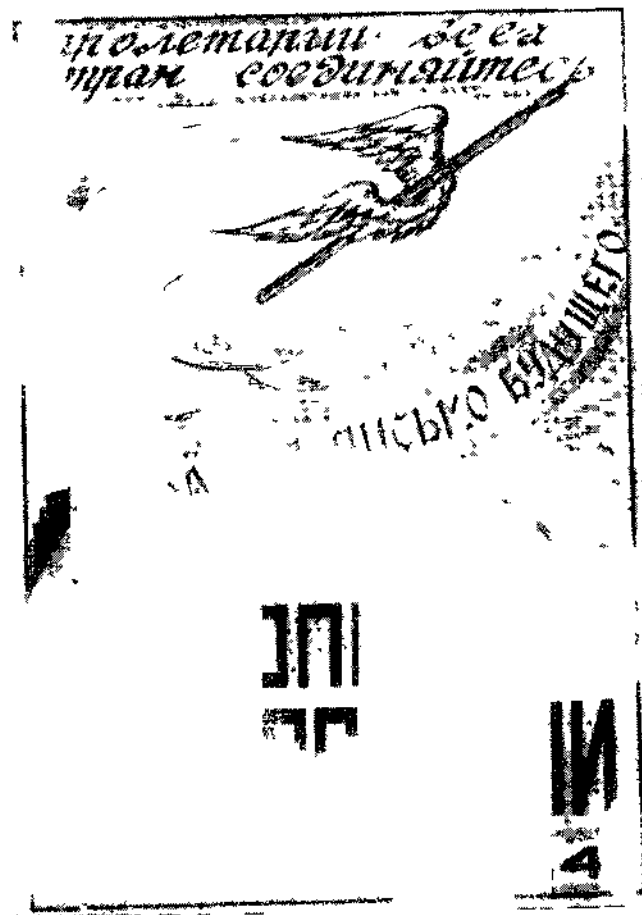
Несмотря на войну, начавшуюся в год открытия курсов, и возникшие в связи с этим затруднения в почтовой связи с заочниками, курсы продолжали свою деятельность в течение всей войны.

Курсы ГЗОС ведут методическую работу, выпускают учебные пособия по стенографии. Так, выпущено несколько сборников стенограмм для чтения, в 1952 году учебник по заочному обучению стенографии (2-е издание — в 1956 году, третье — в 1959). В 1954 году вышел учебник для второго года обучения (перепечатан в 1957 году).

В 1960—1964 годах выпущено три издания учебника для заочного обучения стенографии по варианту, разработанному курсами. С 1959 по 1963 год периодически выпускались «Сборники консультаций». Коллектив ГЗОС объединяет свыше 30 квалифицированных преподавателей стенографии. Экзаменационная комиссия ГЗОС еженедельно присуждает свидетельства многим заочникам, успешно окончившим курсы.

* «Почта» (стенография), 1920, К I (13), стр. 22

Рис 10 Обложка одного из номеров журнала «Вопросы стенографии»

В 1959—1960 гг. курсами проводилась работа по усовершенствованию единой системы. С 1960 года преподавание ведется по упрощенному варианту ГЕСС, разработанному коллективом курсов. Благодаря этому варианту курсам удалось сократить срок обучения вдвое — с 12 месяцев до 6—7.

Курсы ГЗОС являются ныне единственным учебным заведением в стране, осуществляющим массовое обучение стенографии. К 1968 году на курсах обучалось свыше 12 тысяч человек, из них больше половины закончили занятия успешно.

Всего за 27 лет (1940—1967) на курсы ГЗОС принято 152 тысячи заочников.

С 1946 года курсами руководит М. М. Фрадкин. Заведует учебной частью Н. П. Скородумова, работающая на курсах почти со дня их основания.

Советский стенографический журнал

Межсистемный журнал «Вопросы стенографии» был основан в 1923 году небольшой группой энтузиастов (Бурлаков, Остроумова, Соколов, Фудель, Юдина, Юрковский).

С 1924 года журнал выходил как орган Московского комитета стенографов, с 1925 — ЦК Союза совторгслужащих. В 1928 году журнал был переименован в «Вопросы стенографии и машинописи», в 1929—1930 гг. он назывался «Стенография и машинопись».

Начав существование как научный орган, журнал не раз менял свое направление, уделяя большое внимание то научно-методическим вопросам, то профессиональным запросам стенографов, а впоследствии и машинисток. Научным стенографическим вопросам журнал всегда отводил видное место на своих страницах.

Благодаря руководству ответственного редактора Р. А. Вексман, журнал завоевал большой авторитет среди работников стенографии и машинописи советской страны. Журнал организовывал массовые кампании, устраивал творческие вечера машинисток и стенографов, проводил всесоюзные конкурсы.

Сначала, в 1923—1925 гг., журнал выходил раз в три месяца, затем, в 1926—1928 гг., стал ежемесячным, а в 1928—1930 — двухнедельным (рис. 10).

Журнал много содействовал распространению стенографии, установлению живой связи между стенографами, общему улучшению стенографического дела. Отсутствие такого журнала в настоящее время наносит значительный ущерб делу стенографии в СССР.

Издание журнала было прекращено в конце 1930 года по той причине, что он попал в число многих ведомственных изданий, закрываемых в целях экономии средств.

Сейчас на правах журнала выпускаются сборники под тем же названием «Вопросы стенографии» (вышли в 1964, 1965, 1966, 1967 и 1968 годах).

Секция стенографии Педагогического общества РСФСР

11 декабря 1960 года по инициативе небольшой группы московских стенографов при Центральном совете Педагогического общества РСФСР была организована секция стенографии.

В конце июня 1961 года секция созвала Всероссийское совещание преподавателей стенографии, в котором приняли участие не только педагоги ряда городов РСФСР, но и Азербайджана, Грузии, Латвии, Узбекистана (всего около 70 человек из разных республик).

Совещание заслушало доклады об упрощенных вариантах единой государственной системы стенографии, разработанных коллективами ГЗОС и МГУ, а также доклад о системе О. С. Аюпяна, преподаваемой в Ростове, и возложило на секцию задачу — объединить имеющиеся варианты ГЕСС и устранить возникший за последние годы разнобой в преподавании стенографии, в издании учебников, в подготовке преподавателей.

Однако при всем кажущемся сходстве обоих упрощенных вариантов ГЕСС объединить их не представилось возможным, так как при ближайшем рассмотрении они оказались существенно отличными друг от друга.

Ввиду нецелесообразности срочного (во что бы то ни стало) усовершенствования системы секция распустила Комиссию по усовершенствованию, созданную незадолго до этого, и решила на некоторое время ограничиться лишь наблюдениями за опытным преподаванием упрощенных вариантов на курсах ГЗОС, в МГУ и системы Аюпяна в двух ростовских школах.

На первый план были выдвинуты методические вопросы, на решение которых секция и сосредоточила все свои силы. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению делопроизводства в учреждениях и организациях РСФСР» от 30 сентября 1961 года и последовавший за ним приказ Министра просвещения предусматривали подготовку в ряде средних школ с производственным обучением работника среднего звена — референта по делопроизводству со знанием стенографии, машинописи и средств механизации.

Секция стенографии Центрального совета включилась в работу по реализации этого правительственного задания. Ведь передовые стенографы на протяжении многих лет выдвигали вопрос о целесообразности подготовки не только узких профессионалов-стенографов, но и главным образом комплексного управленческого работника, для которого стенография являлась бы не самоцелью, а средством рационализации работы советского аппарата.

В течение 1961/62 учебного года секция разработала проекты нового учебного плана для подготовки референта в школе, новой программы и методического письма по стенографии, принимала участие во всех совещаниях и мероприятиях Министерства просвещения по данному профилю.

В соответствии с решением Всероссийского совещания 1961 года преподавание в школе, впредь до разработки усовер-

пешествованного варианта, должно было вестись по единой системе (ГЕСС). Не имея перспектив на быстрое усовершенствование системы и учитывая, что следование старому варианту ГЕСС при сокращении количества часов на преподавание стенографии может не дать должных результатов, секция внесла небольшие коррективы в систему, не ломающие ее основ и в то же время несколько упрощающие теорию ГЕСС и методику изложения некоторых правил.

Проекты этих документов неоднократно обсуждались как на совещаниях московских преподавателей, так и в городах Ленинграде, Иванове, Калининграде, а в конце марта 1962 года — на всероссийском семинаре учителей стенографии, созданном секцией. Двухнедельный семинар для учителей стенографии и машинописи затем был проведен секцией совместно с Центральным институтом усовершенствования учителей с 13 по 28 сентября 1963 года. Его 65 участников представляли 60 городов и около 100 школ Российской Федерации.

28 сентября 1963 года секция стенографии организовала торжественное заседание, посвященное тридцатилетию ГЕСС, на котором помимо многочисленных московских стенографов присутствовало и свыше 60 преподавателей стенографии других городов РСФСР.

Центральный совет Педагогического общества РСФСР наградил почетными грамотами и памятным подарком профессора Н. Н. Соколова, система которого легла в основу ГЕСС, и ветеранов стенографии, активно способствовавших отбору единой системы и развитию стенографического образования в советской стране (Р. А. Векман, А. Г. Гильдебранда, В. Ф. Рабинович, Н. П. Садыкову, Н. Л. Старобогатова, М. М. Фрадкина и А. М. Юрковского).

Значительную часть деятельности секции последних лет составила теоретическая работа, которая проводилась в комиссии по усовершенствованию единой системы и которая завершилась летом 1967 года созданием единого варианта ГЕСС.

Научно-стенографическая работа

Только при советской власти в нашей стране началась подлинно научная работа по стенографии.

В конце октября 1918 года правлением Московского профессионального общества стенографов была организована научно-стенографическая комиссия (НСК). Когда общество влилось в профсоюз соработников, НСК перешла в ведение последнего. На своих заседаниях НСК обсуждала вопросы стенографического образования и доклады о системах.

Большим событием явилась работа научной секции Первой всесоюзной конференции стенографов в марте 1925 года. Работа секции продолжалась три дня и внесла много ценного в научное изучение стенографических проблем.

16 ноября 1924 года начало свою деятельность Московское научно-стенографическое общество (МНСО). В 1925—1926 гг. МНСО вобрало в себя ряд кружков последователей отдельных систем и было реорганизовано на основе посистемных объединений. К началу 1926 года МНСО насчитывало в своем составе 385 стенографов по восьми системам — Бурлакова, Габельсбергера, Животовского, Лапекина, Сапожко, Соколова, Терне, Фалеева.

Общество поставило задачей объединить московских научных работников стенографии для разработки ее теоретических вопросов. Так как до введения ГЕСС в Москве применялись различные системы, то МНСО организационно построило свою работу в посистемных секциях (объединениях). Обществом были изданы: учебник стенографии Гильдебранда-Терне, две брошюры Н. А. Фомина о стенографии чисел.

Интересный опыт, к сожалению, не доведенный до конца, был проделан обществом по преподаванию стенографии по радио. Лекции по радио читались в 1929 году М. М. Лапкиным по его системе, и всем слушателям, приславшим сообщения о желании изучать стенографию по радио, высылались таблицы с графикой системы. Слушателей записалось около 500.

Во время своей деятельности МНСО (1924—1929) принимало деятельное участие в работе по отбору единой системы, в журнале «Вопросы стенографии», ставило доклады по различным проблемам. Представитель МНСО А. Юрковский был в 1927 году командирован Наркомпросом РСФСР за границу для научной работы и участия в XIII международном конгрессе стенографов.

К тому времени относится исследование советскими учеными-нестенографами ряда проблем, связанных со стенографией. Из них надо упомянуть о работах психологов проф. А. Нечаева и проф. Н. Левитова, лингвистов проф. Л. Жиркова и Н. Яковлева, медика д-ра Марсовой (проблема профзаболеваний стенографов).

Эта работа проведена по инициативе Московского комитета стенографов и Центральной комиссии три ЦК совторгслужащих (1924—1925 гг.) и дала возможность Наркомтруду принять постановление о рабочем времени стенографов.

Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР (ЦНИЯП), созданный в составе Академии наук СССР в январе 1937 года, организовал в марте того же года стенографический сектор. Основной проблемой работы сектора явилось усовершенствование государственной единой системы, сравнение ГЕСС и НУС (национальная унитарная система), их применимости к языкам народов СССР. Этим вопросам были

посвящены всесоюзные совещания преподавателей стенографии, проведенные институтом в мае и декабре 1937 года.

8 декабря 1938 года Высшая Аттестационная Комиссия (по отделу филологических наук) Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР заслушала сообщения Н. Соколова «Стенография как наука» и А. Юрковского «Проблематика научной работы в области стенографии». После обмена мнениями Комиссия признала, что «труды, посвященные стенографии, могут иметь научно-исследовательский характер, и, как таковые, подлежат рассмотрению и квалификации на соискание ученых степеней».

21 апреля 1938 года ЦНИЯП вынес подробное заключение, оканчивающееся словами: «В результате тщательного изучения вопроса, институт пришел к заключению, что на данном этапе развития стенографии единственной системой, построенной на научных основах и могущей быть рекомендованной для применения ко всем языкам народов СССР, является система ГЕСС».

Институт содействовал теоретической разработке адаптации единой системы к языкам многих народов СССР и давал заключение по новым системам, поступавшим на отзыв в институт. В 1939 году институт подготовил к изданию «Основной курс», «Специальный курс» и «Словарь сокращений» по единой системе.

После прекращения деятельности стенографического сектора ЦНИЯП научную работу вела комиссия при Отделе стенографического образования Наркомпроса РСФСР. Первое заседание комиссии состоялось 7 сентября 1940 года. В комиссии обсуждались предложения по усовершенствованию ГЕСС и доклады по новым системам, поступавшим на отзыв. В начале Великой Отечественной войны комиссия, как и отдел, при котором она существовала, прекратила свою деятельность.

По постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 15 марта 1946 года при Высших центральных курсах стенографии организован методический кабинет, задачей которого являлась разработка вопросов методики преподавания рукописной и машинной стенографии, а также усовершенствования единой системы. За время своей деятельности методкабинет рассмотрел и вынес заключение по десяткам проектов новых систем и проектов усовершенствования ГЕСС. В 1955 году методкабинет дал одобрительный отзыв о проекте польской единой системы на основе русской ГЕСС.

С 1951 года в течение двух лет при отделе стенографического образования работала комиссия специалистов. В комиссию поступали проекты усовершенствования ГЕСС и проекты новых систем. Осенью 1953 года при методкабинете ВЦКС была организована группа для подведения итогов работы комиссии. К началу 1954 года эта группа создала проект усовершенствованной единой системы (проект ВЦКС). На общемосковском собрании препода-

вателей стенографии в 1954 году была избрана комиссия, которая в 1955—1956 гг. работала над проектом усовершенствованной единой системы, но в связи с ликвидацией ВЦКС не закончила своей работы.

Система Н. Соколова была принята ВЦИК 10 июня 1933 года в качестве основы единой системы. Что это означало? Это означало, что должна была развернуться коллективная работа по усовершенствованию единой системы. И такая работа проводилась в течение всего времени со дня принятия ГЕСС.

В 1951—1956 гг. работой по усовершенствованию системы руководили Высшие центральные курсы стенографии. После их ликвидации работу продолжили курсы ГЗОС. В 1959 году коллектив курсов ГЗОС разработал упрощенный вариант системы. Он проверялся опытным преподаванием на курсах и в других учебных заведениях Москвы. Летом 1960 года вариант был опубликован в 12 выпусках «Недели» — воскресного приложения к газете «Известия» (авторы — М. М. Фрадкин и А. М. Юрковский).

В процессе совершенствования единой системы проявились центробежные тенденции, которые привели к такому положению, когда в стране фактически существовала не одна единая система, а несколько ее вариантов. И ни один из них не получил надлежащей апробации со стороны какого-либо государственного органа.

В результате Курсы заочного обучения готовили тысячи людей и выпускали учебники по своему варианту. Коллектив преподавателей МГУ под руководством доцента А. Г. Гильдебранда преподавал стенографию на факультете журналистики и издавал учебники по другому варианту. Третий вариант, так называемый «школьный», преподавался в общеобразовательных школах производственного обучения при подготовке референтов по делопроизводству. На профессиональных курсах стенографии преподавался четвертый, ортодоксальный, так сказать, вариант единой системы.

В 1964—1965 гг. работала Теоретическая комиссия секции стенографии Педагогического общества РСФСР. Комиссия рассмотрела варианты курсов ГЗОС, МГУ и школьного и пришла к выводу, что ни один не может быть принят в качестве единого варианта ГЕСС.

Разнобой в области стенографии увеличивался. О. С. Аюпяном, распространившим из Ростова-на-Дону учебники по своей, тоже никак не апробированной системе. Нельзя не упомянуть также о «деятельности» О. С. Александровой (Кишинев), которая выпустила «фонографию», представляющую собой переработку старой русской системы Терне, с той разницей, что введено безотрывное в пределах фразы выписывание знаков.

Вариант ГЗОС отличается от ортодоксальной ГЕСС тем, что в его алфавите изменено четыре знака: Г, Д, Ш, Ч. Вокализация упрощена, так как все знаки согласных, кроме Ц, поставлены на

Динию письма. Внесены и другие изменения. В результате такого упрощения системы курсам удалось сократить срок обучения вдвое.

По варианту ГЗОС в 1961—1964 гг. трижды издавался учебник коллектива авторов: Н. Прохорской, Н. Скородумовой и А. Юрковского.

Что касается варианта МГУ, то в его алфавит введены следующие изменения, сравнительно с ортодоксальной ГЕСС: 1) все знаки согласных поставлены на линию письма — подлиннейших нет; 2) изменены пять оборотов: Г, Д, Ц, Ш, Щ; 3) знаки З, Л, Р выписываются в два оборота. Кроме того, в систему введена оригинальная вокализация.

Учебник по варианту МГУ выпускался в 1958—1968 гг. Автор — доцент А. Гильдебранд.

Школьный вариант ближе всего к ортодоксальной ГЕСС. Он не предусматривает изменений ни одного знака алфавита, вводит лишь упрощение некоторых послеалфавитных разделов системы. Учебник по школьному варианту трех авторов — Р. Вексман, Я. Каждан и Т. Порто — выпущен в 1964 году издательством «Просвещение».

Говоря об отклонениях от единой системы, нельзя не упомянуть о системе Акопяна. Система эта представляет собой комбинацию следующих элементов: 1) алфавита, состоящего из одномерных и полумерных знаков и поставленного на линию письма; 2) способов символизации согласных — увеличение размера до двойного для обозначения Р; пересечение строки с увеличением размера для обозначения Л;* 3) значительная часть формативов заимствована из единой системы. Вокализация системы Акопяна в основном штриховая.

В объяснительной записке к проекту комиссии Министерства просвещения РСФСР по усовершенствованию ГЕСС, датированной 15 сентября 1966 года, сказано: «...В 1961 году при секции стенографии Центрального Совета Педагогического общества РСФСР была организована комиссия по усовершенствованию ГЕСС, задачей которой было отобрать лучшие предложения по улучшению ГЕСС и разработать единый вариант ГЕСС. В процессе своей работы до мая 1966 года указанная комиссия рассмотрела имеющиеся варианты, запросила предложения от преподавателей Москвы и периферии, провела работу по определению частоты встречаемости букв и формативов в стенографическом письме.

Комиссия также изучила две новые системы, изданные явно в нарушение постановления ВЦИК, и ознакомилась с результата-

* И в этом Акопян не оригинален: его способ символизации согласных исходит из немецкой системы Лемана (1874), а также русских систем Рудницкого (1893) и Бурлакова (1932).

ми их преподавания в Ростове и/Д и Воронеже. Одна из них — система Акопяна (Ростов). Ее теория получила отрицательную оценку секции стенографии Педагогического общества РСФСР, а проверка ее преподавания установила, что эта система не имеет никаких преимуществ по сравнению с ГЕСС. Другая система О. Александровой (Кишинев) также не представляет собой какого-либо прогресса в теории стенографии, будучи переработкой системы Терне, 1874. Проверка преподавания этой системы показала плохие результаты...

...Комиссия при секции стенографии наметила предложения по изменению подлиннейших знаков алфавита (Г и Ш) и некоторых формативов. Однако работа комиссии протекала очень медленно».

«Ввиду того, что разработка и введение единого варианта ГЕСС не терпят отлагательства, решением коллегии Министерства Просвещения РСФСР от 23 июня 1966 года при управлении вечерних школ была организована комиссия по усовершенствованию ГЕСС в составе: Н. Н. Соколов (председатель), Р. А. Вексман, Т. С. Порто, Н. И. Сторчак и М. М. Фрадкин».

«Комиссии было поручено закончить проект усовершенствования ГЕСС и обсудить на совещании преподавателей стенографии, с тем чтобы управление вечерних школ Министерства просвещения представило на рассмотрение коллегии проект усовершенствования ГЕСС вместе с предложениями по опытному преподаванию этого варианта с 1 октября 1966 года и по дальнейшему улучшению стенографического образования. Указанная комиссия Министерства просвещения изучила предыдущую работу по усовершенствованию ГЕСС и разработала проект единого варианта».

6 октября 1966 года проект обсуждался на совещании преподавателей Москвы в Министерстве просвещения РСФСР. Затем состоялась дискуссия на курсах ГЗОС и Мосгороно. В начале октября 1966 года проект был разослан на периферию для отзывов. Отзывы эти учитывались комиссией в ее дальнейшей работе. В 1967 году комиссия продолжила свою работу и к лету ею был разработан новый проект, который 19 июня представлен на утверждение Министерства.

Стенографические конкурсы

Стенографические состязания на скорость письма, столь частые за рубежом, были редким явлением в русской действительности. Все российские конкурсы легко пересчитать.

В 1865 году редакция журнала «Отечественные записки» пыталась устроить стенографический конкурс. Попытка была безрезультатной.

В 1867 году состоялось состязание между учениками Паульсена (система Штольце) и Ольхина (система Габельсбергера).

Лучше подготовленными, по словам Ершова, оказались ученики первого.

23 января 1876 года соревновались последователи систем Терне и Габельсбергера на скорость 30, 40 и 50 слов в минуту. Победу одержала система Терне. Автор в результате конкурса получил право преподавания своей системы.

В 1906—1917 гг. состоялось 4 конкурса на должности стенографов в Государственную Думу и Государственный Совет царской России.

В советское время 23 апреля 1926 года с радиостанции им. Коминтерна в Москве проводится единственный в нашей стране конкурс по радио на скорость до 120 слов в минуту.

С октября по ноябрь 1928 года проходил всесоюзный конкурс на лучшего съездового стенографа (скорость 140, 130, 120 слов в минуту) и лучшую стенотипистку. В конкурсе из 11 городов Советского Союза приняло участие 144 стенографа, писавших по восьми системам.

Конкурсы имеют большое значение в стенографической жизни любой страны, содействуя повышению квалификации стенографов, привлекая общественное внимание к стенографии, увеличивая число интересующихся ею. Нужно надеяться, что в ближайшее время конкурсы займут подобающее место и в стенографической жизни СССР.

Отбор единой системы

Дискуссия о необходимости единой или, как раньше говорили, «унитарной» системы развернулась на страницах журнала «Вопросы стенографии» в 1923—1924 гг. Первая всесоюзная конференция стенографов (март 1925) приняла по этому вопросу следующее решение: «Высказываясь в принципе за единую (унитарную) систему, конференция считает необходимым крайне осторожный подход к вопросу».

Через год при Центральной стенографической комиссии ЦК профсоюза советских служащих была создана подкомиссия в составе 6 представителей от организаций и 12 представителей систем: Бурлакова, Габельсбергера, Животовского, Кривоша, Лашкина, Мирчинка, Рещина, Сапонько, Соколова, Терне, Фалеева, Штольце. Председателем комиссии была Р. Вексман, заместителем председателя — И. Протасов, секретарем — А. Юрковский.

Комиссия, начав свою работу 8 марта 1926 года, перешла затем в ведение Наркомпроса РСФСР и закончила свою деятельность 30 июня 1928 года после 70 заседаний.

На первом этапе работы комиссия установила принципы, которыми должна удовлетворять единая система. Вот они.*

* Опубликовано в журнале «Вопросы стенографии», 1927, № 7.

«1. Унитарная система стенографии должна быть удобной для массового применения всеобщеписьью, которая путем введения соответствующих сократительных приемов должна быть пригодна и для целей речеписи.

2. Унитарная система в целях легкости ее изучения и чтения должна быть проста в теории. Длиннота начертаний знаков при переходе в речепись должна устраняться специальными сокращениями.

3. При построении унитарной системы в основу ее должен быть положен графический принцип, основными признаками которого являются: а) использование элементов обычного письма; б) косой обыкновенного письма наклон; в) максимальное отсутствие прямых, тупых и вообще всяких углов; г) наличие соединительной линии между знаками.

4. Для всеобщеписи следует использовать строку так, как строка используется в обыкновенном письме; в речеписи допускается применение строки для символизации.

5. В унитарной допустимы три размера стенознаков: одномерный, двумерный, полумерный.

6. Признать целесообразным использование нажима, как одного из элементов графики с целью выражения посредством его отдельных элементов речи при условии совпадения искусственного и естественного нажима. Исключение нажима из графических возможностей системы повело бы к чрезвычайной неточности начертания, так как повлекло бы за собой исключительное использование волосной линии для гласных, а также пропуск гласных, что недопустимо во всеобщеписи.

Примечание: Мнение меньшинства. Нажим может употребляться согласно требованиям каллиграфии без всякого смыслового значения.

7. Признать необходимым сохранять безотрывность письма по унитарной в пределах одного слова.

8. Допустить применение отдельных знаков для приставок, корней, окончания и сочетаний. Допустить использование корневого принципа в унитарной системе при преимущественном обозначении всего слова его началом. При построении знаков для приставок и окончания пользоваться преимущественно буквами, входящими в данный элемент. Унитарная система должна давать возможность (при необходимости в этом) полного выписывания всех букв, образующих слово.

Примечание: Формулировка меньшинства. В унитарной системе допустимо использование знаков для приставок, окончания и сочетаний согласных, составленных из элементов данных букв и корневого принципа сокращений. Сокращения должны базироваться, главным образом, на принципе сокращения обыкновенного письма — сохранения начала слова. Допустимо использование в небольших размерах слухового прин-

ципа, причем ударная гласная должна сохраняться в несокращенных словах, а неясно слышимые гласные и согласные могут быть пропускаемы. Унитарная система должна допускать полное выписывание всех гласных.

9. Считать минимальной скоростью для всеобщеписа — 60 слов, для речеписа — 110 слов в минуту».

Второй этап работы комиссии состоял в рассмотрении систем с точки зрения установленных принципов. О каждой системе докладывал ее представитель, а содоклад делался одним из членов комиссии. После прений по каждой системе выносились резолюция.

26 мая 1927 года комиссия приняла единогласное решение о том, что «ни одна из систем в существующем ее виде не может быть принята в качестве унитарной».

Ввиду такого неожиданного результата работы комиссии Наркомпрос РСФСР в июле 1927 года в качестве временной меры до установления единой системы допустил к преподаванию четыре системы: Терне-Гильдебранда, Габельсбергера-Крулева, Сапонько (вариант 1925 года) и Соколова. Осенью того же года был объявлен конкурс на лучший проект унитарной.

Наступил третий этап работы комиссии — рассмотрение проектов, поступивших на конкурс. Всего было рассмотрено 18 проектов, в том числе два из-за границы.

Рассмотрев все проекты, комиссия никаких выводов не сделала и на 70-м своем заседании предложила поставить системы на опытное соревнование. Была выделена тройка (Лапекия, Соколов, Юрковский), которая отобрала из 18 проектов семь лучших. После утверждения их Экспертной комиссией (из представителей Наркомпроса РСФСР, ЦК совторгслужащих, Московского отдела народного образования, Реввоенсовета и Института техники управления) и по предложению той же Экспертной комиссии были созданы при Главпрофобре опытные курсы для отбора лучшей системы.

План проведения опытных курсов 28 февраля 1929 года был утвержден Коллегией Наркомпроса РСФСР. В марте 1929 года курсы приступили к работе и закончили ее в середине 1930 года. На курсы были направлены 210 машинисток, которые при поступлении подвергались психотехническому и медицинскому испытанию, чтобы состав групп по каждой системе был по возможности однородным. На опытных курсах преподавалось семь систем: Соколова, Габельсбергера-Крулева, Габельсбергера унифицированной, Терне-Гильдебранда, Сапонько, Лапекина, Фалеева.

Выпускной экзамен на скорость 75—90 слов в минуту состоялся в июне 1930 года. Его результаты приведены в таблице.

Система	Среднее количество ошибок на каждое выдержанное слово (%)	Количество выдержавших к общему числу державших на эту скорость по данной системе (%)		Среднее количество ошибок на каждое выдержанное слово	Отсев учащихся к моменту экзамена (%)
		на 90 слов	на 75 слов		
1. Соколова	60,7	59,1	56,5	7,5	21,4
2. Габельсбергера-Крулева	59,6	58,9	38,5	7,9	55,2
3. Габельсбергера унифицированная	46,7	55,6	38,8	10,7	40,0
4. Лапекина	45,4	31,2	37,5	14,1	42,8
5. Терне-Гильдебранда	26,5	18,7	33,3	13,8	38,5
6. Сапонько	37,0	20,0	40,0	8,2	31,0
7. Фалеева	48,1	30,0	40,0	9,7	28,5

На основании работы опытных курсов, выявивших преимущество системы Соколова перед другими, Экспертная комиссия НКПроса РСФСР, а затем ЦК профсоюза работников госучреждений (раньше совторгслужащих) признали необходимым положить в основу единой государственной системы систему Н. Н. Соколова. Это решение было опубликовано в журнале «Стенография и машинопись» и, казалось бы, всей этой затянувшейся истории пришел конец.

Но вокруг вопроса о единой системе разгорелась борьба, расколовшая стенографов на два лагеря — сторонников и противников системы Соколова.

С другой стороны, Московский отдел народного образования (МОНО) осенью того же 1930 года предложил всем Московским курсам «немедленно начать обучение во вновь организованных группах только по системе Соколова и переобучить на нее преподавателей других систем».

10 декабря 1930 года состоялось постановление Всесоюзного Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне (В. К. С.):

1. ВКС констатирует крайнее запоздание в установлении единой общесоюзной стенографии, несмотря на достаточную разработанность вопроса. Оно парализует возможность широко внедрения стенографии в систему народного образования (2-я ступень, техникумы), в совшпарат и в военное дело, отрицательно влияя, таким

образом, на общие темпы социалистического строительства и обороны страны.

2. ВКС просит срочно обсудить предложение Экспертной комиссии Наркомпроса РСФСР по установлению единой системы стенографии о принятии системы Соколова, как базы для дальнейшей единой системы стенографии, и свои заключения представить В ВКС не позднее 1 января 1931 г.

3. ВКС просит Наркомпрос РСФСР не позднее 25.1.1931 г. представить план дальнейшей работы по системе как в части всеобщности, так и речениси с таким расчетом, чтобы было обеспечено полное введение стандарта стенографической системы в школьную сеть с осени 1931 г.

Коллегия Наркомпроса РСФСР летом 1931 года поручила новой комиссии закончить работу по оформлению унитарной системы на основе системы Н. Н. Соколова в месячный срок. Но в этой комиссии основная система была отодвинута на задний план и после нескольких месяцев работы был создан новый коллективный проект унитарной, так называемый «Второй вариант ГЕСС» (авторы Н. Крулев, М. Лапкин, Н. Фалеев).

Проект встретил суровую критику на производственном совещании стенографов Москвы и оказался мертворожденным.

Настояния сторонников единой системы поскорей продвинуть этот затянувшийся вопрос не привели ни к чему. В апреле 1933 года вопрос был передан Наркомпросом РСФСР во ВЦИК. 25 мая 1933 года общее собрание московских стенографов одобрило систему Соколова для принятия ее в качестве единой. 10 июня 1933 года ВЦИК постановил «принять в качестве основы государственной системы стенографии предложенную Народным Комиссариатом просвещения РСФСР и Центральным Комитетом профессионального союза работников государственных учреждений Союза ССР систему Н. Н. Соколова». 23 июня 1933 года Постановление ВЦИК о подготовке кадров стенографов по единой системе было опубликовано в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК».

Ход развития русской стенографии привел к тому, что в советский период оказалось много систем, сложных в теории и трудных для изучения. Это тормозило распространение стенографии в нашей стране. Овладеть стенографией удавалось только лицам хорошо образованным, обладающим высоким культурным уровнем.

Стало очевидным, что для массового распространения непригодны старые речеписные системы, сложные и трудные. Требовалась система простая в теории, легкая для изучения и одновременно удовлетворяющая требованиям речеписа. Такая система, объявленная единой, самим ходом жизни должна была бы вытеснить и замесить старые системы, затруднявшие широкое внедрение стенографии. Такой и должна была явиться и явилась система Н. Н. Соколова.

Успехи национальной политики привели к огромному культурному подъему среди народов СССР. Развитие советской государственности и широкий размах общественной жизни в национальных республиках вызвали большую потребность в стенографах. Сразу же после установления советской власти и перехода государственного аппарата братских республик к ведению делопроизводства на их родном языке, потребовались стенографы, умеющие записывать речи на национальных языках.

Сравнительно просто было разрешить проблемы стенографии для братских славянских языков — украинского и белорусского, ввиду их близости к русскому языку. Так, на украинском языке были опубликованы труды по системе Габельсбергера (Юхим, 1925; Ильницкий, 1925), по системе Терне (Киевские госкурсы). В Белоруссии применялась переработка Совельзоном системы Габельсбергера.

В республиках советского Востока, где говорят на тюрко-татарских языках, внедрение стенографии встретило большие трудности. Неудача большинства попыток создания системы стенографии для тюрко-татарских языков объясняется тем, что это было механическое перенесение старых, исторически сложившихся европейских систем на своеобразную почву тюрко-татарских языков. Без учета их своеобразия, в особенности же агглютинативного строя, нельзя было создать удовлетворительной системы стенографии на этих языках. Между тем, такие попытки имели место. Шумский (Баку) адаптировал систему Штольце к азербайджанскому языку, О. Земнеке приспособила систему Штольце-Шрея к узбекскому языку, переработку Терне-Гильдебранда на татарском языке преподавала в Казани Ракуц.

Стенографическая проблема в среднеазиатских республиках оставалась нерешенной. Первое время после установления советской власти в национальных республиках съезды обслуживались русскими стенографами, которые просто пропускали все, что говорилось не на русском языке. Не раз бывало так, что местные работники, плохо говоря по-русски, все-таки пользовались этим языком, чтобы их речь получила отражение в стенограмме. Так техническая проблема переросла в политическую. Иногда прибегали к помощи переводчика. При этом стенограф пропускал речь оратора на его родном языке и стенографировал не всегда совершенный ее перевод. Некоторые русские стенографы, понимавшие национальный язык данного народа, по неумевшие на нем стенографировать, умудрялись переводить мысленно речь с национального языка на русский и на нем фиксировать ее с тем, чтобы при расшифровке проделать обратный процесс. Разумеется, это не улучшало качества стенограмм.

Надо упомянуть о роли системы НУС (автор Бурлаков) в создании стенографии на языках народов СССР. Хотя практическое применение этой системы к национальным языкам оказалось в целом незначительным, но необходимо отметить тот сдвиг в области стенографии, которым обязаны системе НУС многие национальности СССР. Система дала стенографов-практиков на разных языках. Некоторые из практиков и педагогов НУС впоследствии перешли на ГЕСС — Таджибаева, Валсова, Мурадов.

В настоящее время на многих языках народов СССР пишут по ГЕСС. Эта система преподается в школах Украинской и Узбекской ССР. 21 июня 1940 года состоялось постановление Совнаркома УССР о введении факультативного преподавания стенографии в школах Украины. В работе по адаптации единой системы к украинскому языку приняли участие съездовые стенографы Герштанский, Гетманчук и преподаватели стенографии Вязьмитина, Левшин, Самунина, кандидат наук Погребысский.

В развитие Постановления Совнаркома СССР от 15 марта 1946 года Совет Министров УССР издал постановление от 19 июня 1946 года «О мерах по улучшению стенографического образования в УССР». Вот эти мероприятия: 1) возложение руководства стенографическим образованием в УССР на Управление по делам высшей школы при Совете Министров УССР, 2) открытие ряда курсов в городах Украины, 3) введение опытного преподавания в средних школах, 4) открытие педагогического отделения при Киевских курсах стенографии.

До июня 1947 года педагогическое отделение выпустило 18 квалифицированных преподавателей стенографии, которые были распределены по школам Киева и других городов республики. В июне 1948 года состоялся второй выпуск преподавателей (20 человек) исключительно для украинской периферии.

С осени 1947 года организовано преподавание государственной единой системы в 12 средних школах Киева.

В 1948 году в Киеве выпущен в свет «Курс стенографии. За единую державную систему» (автор М. Левшин).

В Узбекской ССР обучение стенографии в средней школе введено еще раньше — с февраля 1939 года с выделением на это средств из местного бюджета. М. Мурадовым в 1939 году был выпущен в свет учебник стенографии на узбекском языке (переиздан в 1955 г.). Кроме Украины и Узбекистана, система ГЕСС разработана для записи на языках народов Грузии (Леонидзе*), Азербайджана (Вагирова), Татарии (Батыршина, Таджибаева), Киргизии (Карасаева), Таджикистана (Арабова-Жеримова), Башкирии (Усманова), Адыгеи (Трахов).

* В 1966 году в Тбилиси вышел в свет первый труд по ГЕСС на грузинском языке. Автор — М. Г. Леонидзе.

В прибалтийских республиках до воссоединения их в братской семье советских народов применялись адаптации немецких систем. Кроме того, в Латвии пользовалась успехом национальная латвийская система Яниса Розе (1908). В Эстонии применялись системы — Куррик (1910), Кивикинк (1912) и Мета Коткас (1922). В Литве писали по системе Янсена (1919).

Па поприще латвийской стенографии успешно работает ныне К. А. Карулис. Его перу принадлежат многие издания по стенографии на латышском языке. Под его руководством разработана и в 1954 году утверждена единая система стенографии для латышского языка. Основой системы послужила «Пантография» Я. Розе, изданная в Риге в 1909 году. В июне 1959 года К. А. Карулис защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лингвистические элементы в стенографии латышского языка». Система Розе разработана также для литовского языка. Учебник двух авторов И. Якуниене и Стабинис издан в Каунасе в 1962 году.